

Цикл уроков: От Албани к Абу Ханифе или как я вернулся к мазхабу

2 часть. Дебри истины

Azan.kz

Нет, конечно, первый Рамадан и становление на намаз – сами по себе уже были кардинальными переменами в моей жизни. Я, соответственно, бросил употреблять спиртное, которое, впрочем, мне и без того запретили врачи. Проблема была только в том, что я не слушал врачей, а если бы слушал – не довел бы себя до того критического состояния, о котором они меня предупреждали.

С сигаретами дела обстояли сложнее, но мысли о том, что надо избавляться и от этой привычки становились уже более настойчивыми. Ну и, конечно же, через какое-то время я осознаю, что женитьба является единственным возможным вариантом отношений с противоположным полом.

Пока же я, только что выдержавший месяц поста, был приглашен на свадьбу в качестве дружки. Совершив, как меня научили, ранним утром все намазы, кроме ночного, я надел свой парадный костюм и отправился выполнять свой дружеский долг. А вечером, когда молодежь поехала в ночной клуб, я поспешил домой, чтобы переодеться и совершить последний намаз, после которого, разумеется, сказал семь раз «астагфирулла».

И уже ночью, в одной из кабинок клуба, я рассказывал девушкам о своем первом духовном опыте, и о том, как это полезно и важно. Короче, делал им да`ват. Девушки восхищенно слушали и соглашались. Еще бы, ведь от меня за версту веяло нуром – по крайней мере в этом клубе я ощущал себя самым праведным.

Понятно, что до праведности мне тогда было дальше, чем гусенице до звезды, но если сравнивать с тем, что было до этого – я все же менялся в лучшую сторону. Медленно, но верно. А если быть точнее – очень медленно и не всегда верно, но все же я полз к своей звезде и продолжаю ползти до сих пор. Помню, через год или чуть меньше, я, уже с бородой и в тюбетейке, выходил из одного кафе. Старательные уборщики заведения начистили стеклянную дверь так, что на ней не было и пятнышка, поэтому я не заметил ее и треснул лбом об стекло. Стоявшие в ряд официанты сразу же стали свидетелями всего нецензурного великолепия русского языка.

Нет, конечно, я не ругался долго, понося всех и вся в этом заведении. Я просто воскликнул такие слова, за которые мне через несколько секунд стало стыдно. Особенно с бородой и в тюбетейке. Тогда я отметил про себя, что хоть и выгляжу на исламский манер, но до исламских манер еще не дорос.

Тем временем, совершение намаза все больше погружало меня в религию. Постепенно я стал стараться соблюдать и другие правила в своей жизни. Это неизбежно вело к конфликтам с окружающей действительностью. Я стал придирчив к еде – мясо должно было быть

обязательно халал, и прежде чем его есть, я обязательно интересовался, где и у кого оно куплено. Родных это, разумеется, раздражало, как и раздражала моя борода, тубетейка и неожиданно обострившееся отношение к мировому ростовщичеству. Месяца через три после Рамадана я бросил курить.

Общаться с друзьями я тоже практически перестал. Иногда, все же, я позволял себе с ними встретиться, но происходило это крайне редко и недолго. Привычный когда-то мат начал резать мне слух, а разговоры о девушках в прежнем ключе стали просто невыносимы. Происходило это по двум причинам: во-первых, общаться с девушками как прежде было нельзя. А во-вторых, очень хотелось общаться с ними как прежде, но было нельзя.

С целителями я прекратил общаться еще в Рамадан. С девушкой, научившей меня «тонкостям» религии – почти сразу по его окончанию. Поясню, что общение наше было вполне приличным, без запретных уединений и поползновений. Но и это не помогло. На меня обиделись из-за какой-то шутки, а я не стал извиняться. Не помню, чтобы она была оскорбительной, но возможно мои представления об оскорбительности на тот момент оставляли желать лучшего. В общем, султаном я так и не стал.

Единственным практикующим мусульманином среди моих знакомых был Айдын. Он начал совершать намаз примерно на месяц раньше меня, и отчасти, это тоже послужило толчком к моему шагу: на моих глазах человек сделал выбор в ту сторону, в которую я посматривал.

Произошло это после того, как он устроился на работу. Все его коллеги, включая руководство, были намазханам и, как выяснится позже, салафитами. Разумеется, они сразу же научат его своим отличительным особенностям: например, протиранию обычных носков даже в теплое время года, когда помыть ноги гораздо приятнее, чем просто мочить носки.

Правда, начал он не с пяти намазов, а с четырех – всех, кроме утреннего, однако и это казалось чем-то невероятным. Да, понятно, что есть хадисы на тему фаджра и тех, для кого это тяжело, но кто бы их тогда знал. Для него, как и для меня, это уже было существенным преобразованием.

Айдын стал получать информацию об Исламе от своих коллег. Частично перепало и мне, и постепенно я стал узнавать, что ваххабизм, на самом деле, всего лишь чистый Ислам, оболганный невежественными врагами и капырами. Спорить я с этим не мог, но и соглашаться не спешил. У меня был свой путь к салафизму, который лежал через книги.

Книги покупались в «Академке» и возле мечетей, в основном, Центральной и «Тастак». Скупал я тогда практически все, что было переведено. Моя маленькая квартирка с одиноко плавающей золотой рыбкой, и преданной, как собака, кошкой, стала для меня тихой гаванью, где я проводил вечера за горизонтальным чтением. На мое зарождающееся религиозное сознание обрушилась гряда неотфильтрованной информации.

Общее дело с коллегой-кришнаитом прекратилось, в том числе и по причине религиозных разногласий. К примеру, мне неприятно было совершать намаз в кабинете, где лежали открытки с изображением Кришны, а ему неприятно было каждый раз их переворачивать. В общем, я остался без работы и времени у меня было валом. К тому же, он съехал с моей квартиры и мне уже никто не мешал узнавать для себя что-то новое, и наслаждаться этим без споров.

В общих чертах, на тот момент, я уже знал, что существуют разные мазхабы, салафиты и

суфии. Решив узнать подробнее о последних, я купил книгу то ли Инаят Хана, то ли Идрис Шаха - не помню точно, как она называлась - и еле дочитав, решил держаться от суфизма подальше. Исправит это в будущем только имам аль-Газали, рахимахуЛлах.

Намаз свой я выполнял так, как меня научили - в соответствии с ханафитским мазхабом. И хотя я видел, что некоторые люди в мечетях совершают молитву иначе, выяснять у них причины не торопился.

Да, это было трепетное время. Все было новым и важным. Второстепенного еще не было, все было первостепенным, даже третьестепенное. Джума вообще была вся святая. В этот день я старался не подрезать никого на дороге и уж тем более ни с кем не ругаться. Постепенно зарождалось великое желание донести до всех знакомых Ислам, затащить всех в мечеть, и поставить всех на намаз. Знакомые сопротивлялись, как могли.

Приезжая в мечеть, я шел по ее территории и каждому встречному раздавал салам. И очень удивлялся тому, что мне не дают его первым, а проходят мимо, пока я не поймаю их взглядом и не сообщу о своем существовании.

Зато как я был доволен, когда мне удавалось зайти с кем-нибудь из знакомых в мечеть, и шагая с ним по двору, демонстрировать всю красоту Ислама. Я так хотел, чтобы он спросил меня: «Ты что, всех их знаешь?», а я бы ответил: «Нет, но наш Пророк, салаЛлаху алейхи уасаллям, учил нас здороваться с каждым!» И тогда бы он сказал: «Какая прекрасная вера!», и я бы там же научил его намазу. Ну или хотя бы стал для него имамом.

В этот светлый период, в один из теплых дней, я по обыкновению поехал на «Тастак» за книгами. Продавались они тогда в стоящих в ряд магазинчиках с исламскими товарами, с задней стороны мечети. В последнем из них я увидел книгу под названием «Описание молитвы Пророка, с самого начала и до конца, как если бы вы это видели собственными глазами». Такое название не могло не привлечь внимание неопита, и продавщица, увидев мою заинтересованность, уверенно сообщила, что эта книга очень хорошая. Веское слово авторитетной татешки стало решающим - книга была куплена и я поспешил в свою тихую гавань.

Предисловие посвящалось автору книги - шейху Албани. Прочитав о нем пару страниц, я сразу же понял, что это один из самых великих ученых современности. Что подтверждали и другие великие ученые современности, имена которых мне пока еще ни о чем не говорили. Подчеркивались важность хадисоведения и глубокие познания шейха в этой области. Затем, уже от самого автора, приводились высказывания имамов мазхабов - Абу Ханифы, Малика ибн Анаса, аш-Шафии и Ахмада бин Ханбала, да смиляется над ними Аллах.

Высказывания сообщали читателю о том, что следовать надо достоверному хадису, если таковой будет обнаружен, а не мнению самих имамов. Далее говорилось, что те, кто считает себя их последователями, должны выполнять их наиздания, но вместо этого, они игнорируют их слова, и следуют мазхабу, тогда как их мазхаб - это достоверный хадис. Как это преподносилось дословно я сейчас не помню, написанное лишь отражает то, как я это воспринял.

Стало понятно, что все эти последователи мазхабов невероятно заблуждаются, проявляя упрямство, невежество и фанатизм. Вместо того, чтобы следовать великим ученым - да что там ученым! - вместо того, чтобы следовать Корану и Сунне, и совершать намаз так, как совершал его сам Пророк, салаЛлаху алейхи уасаллям, они следуют мнениям тех, кто был

ниже имамов (имеется ввиду, последующие ученые мазхабов).

Разумеется, в книге было ясно написано, что именно неправильно делают последователи мазхабов, и как надо делать правильно. Все было четко и убедительно – на каждое действие шейх приводил исключительно достоверные хадисы. Тогда как хадисы, на которые опираются мазхабы, были попросту слабыми, а на слабые хадисы опираться нельзя, как и нельзя совершать таклид – следование без доказательств. Доказательства, подтверждающие запрет следования без доказательств, тоже были приведены.

Под негласное опровержение, как я помню, в основном попадали действия ханафитов. По крайней мере, почти все, что я читал, противоречило тому, что я делал. И руки я поднимал не так часто, и держал их потом слишком низко, и «аминь» говорил тихо. Ну и все остальное: первыми на землю надо опускать колени, а не ладони, на ташахуде надо сидеть более замысловато, чем я уже привык, пальцем нужно шевелить постоянно, а не единожды, ну и конечно же нельзя протирать ладонями лицо после дуа.

Я читал одновременно с интересом и ужасом. Интерес был вызван желанием узнать, как все совершать правильно, а ужас – тем, что до этого все было неправильно. Затянувшийся период спокойствия, наступивший с обретением смысла в жизни, был внезапно нарушен. Нужно было срочно решать: или намаз по Корану и Сунне, или по мазхабу.

Недолго думая я позвонил Айдыну. Вкратце рассказал ему суть терзаний. Айдын выслушал и честно сказал: «Я и сам немного запутался, брат. Как правильно я не знаю. Но мне кажется, что главное – это совершать намаз искренне».

Да это и ежу понятно, дорогой брат Айдын, что намаз надо совершать искренне. Тоже мне, открыл, Колумб, Америку. Просто в книге то написано, что совершать надо не только искренне, но и правильно. Эх, если бы все было так просто... И если бы ты только знал то, что теперь знаю я... Какие доказательства освещают сейчас мою комнату. Какие горизонты открываются за ее стенами моему пытливому взору...

Явилась истина и сгинули разногласия. В еще непознанной уму Вселенной, среди многочисленных галактик, на одной из планет, покрытой странами, городами и мировым океаном, на пересечении улиц Маркова и Аль-Фараби, родился еще один, прочитавший несколько книжек, муджтахид.

Продолжение следует...

© Авторские права на статьи и осуществленные переводы статей из других источников принадлежат сайту Azan.kz.

Убедительная просьба к лицам, производящим копирование и распространение в социальных сетях и иных сайтах любых материалов ресурса Azan.kz, в обязательном порядке указывать активную ссылку на источник.